ЖИТЕЛЬ ДВУХ СТОЛИЦ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-2-7-25

В. Д. Денисов¹

Российский государственный гидрометеорологический университет

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОРТРЕТ ГОГОЛЯ

В статье идет речь о равнозначности великого города и великого писателя. Особенности гоголевских описаний и характеристик героев оживают в старинных улицах и зданиях Санкт-Петербурга, по адресам, где жил и творил автор, и наоборот: петербургские черты всё больше проступают на его портрете. В тексте использованы современные и старинные изображения, приведены соответствующие цитаты из воспоминаний современников и научных трудов.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Санкт-Петербург, памятник великому писателю, воспоминания современников, круг российских литераторов

V. D. Denisov

Russian State Hydrometeorological University

PETERSBURG PORTRAIT OF GOGOL

The article deals with the equivalence of a great city and a great writer. The features of Gogol's descriptions and characteristics of heroes come to life in the ancient streets and buildings of St. Petersburg, at the addresses where the author lived and worked, and vice versa: Petersburg features are more and more visible in his portrait. The text uses modern and ancient images; the corresponding quotes from the memoirs of contemporaries, and scientific works are given.

Keywords: N. V. Gogol, St. Petersburg, a monument to the great writer, memoirs of contemporaries, a circle of Russian writers.

Слава великого русского писателя пришла к Николаю Васильевичу Гоголю за 8 лет пребывания в городе, который по праву может считаться его соавтором. Сюда студент Никоша Гоголь-Яновский приехал, окончив Нежинскую гимназию высших наук. Здесь он познакомился и подружился с Василием Жуковским и Александром Пушкиным, на равных вошел в круг первых российских литераторов. Здесь он стал мелким департаментским чиновником, но затем – через некоторое время! – преподавателем в Патриотическом институте, а потом и на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Здесь вышли его книги «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), «Арабески» и «Миргород» (1835), была написана и поставлена в Александринском театре комедия «Ревизор» (1836). Отсюда Гоголь уедет за границу писать поэму «Мертвые

¹ Владимир Дмитриевич Денисов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка в Российском государственном гидрометеорологическом университете (РГГМУ).

души» и сюда же вернется, чтобы ее напечатать. Здесь сохранятся не только места, где жил и бывал писатель, но и тот его особый взгляд на «умышленный» и оттого такой одинокий и холодный Санкт-Петербург. Может быть, то общее настроение гоголевско-петербургских повестей с тех пор и определяет атмосферу города?... Но и город оставил свой отпечаток на портрете писателя.

Об этом наш рассказ. Начнем по-гоголевски: «В дорогу! в дорогу! прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица! Разом и вдруг» окунемся в жизнь Санкт-Петербурга того времени!

Итак, начало: Гороховая улица, 46. Дом купца Галибина (тогда говорили: Галыбин). Здесь Гоголь снимал первую петербургскую квартиру вместе с приятелем Александром Данилевским – с конца декабря 1828 г. по начало 1829 г. Приехав из Малороссии, молодой человек простудился и несколько дней не выходил на улицу. Матери он сообщил: «На меня напала хандра или другое подобное, и я уже около недели сижу, поджавши руки и ничего не делаю. Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему <...> Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы. Жить здесь не совсем по-свински, т.е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. Съестные припасы также не дешевы <...> Это всё заставляет меня жить, как в пустыне, я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр. Если я пойду раз, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, т.е. для моего неплотного кармана». И после других жалоб на столичную жизнь, понятных каждому, кто прибывал сюда впервые, приписывает: «Адрес мой III-й Адмиральтейской части на Гороховой улице подле Семеновского моста в доме купца Галыбина под № 130» (X, с. 136–137). Так – неприветливо, холодно, казенно – его встречает столица Российской империи.

Через некоторое время приятели переехали по новому адресу: Набережная Екатерининского канала (ныне канала Грибоедова), 72 – доходный дом аптекаря Трута. Внешний вид здания не сохранился, ибо его несколько раз перестраивали, а при этом расширяли и укрупняли.

В апреле приятели вновь переезжают: на Большую Мещанскую (ныне Казанскую) улицу, 39 – в дом Иохима. Иоганн Альберт Иохим был известным в столице каретным мастером. С этих доходов он и построил дом на Большой Мещанской.

Гоголь жил здесь с апреля по июль 1829 г. в тесной квартирке под самой крышей на четвертом этаже, куда нужно было подниматься по крутой лестнице. Владельца дома он затем увековечит в комедии «Ревизор», где Хлестаков будет сожалеть, что «Иохим не дал напрокат кареты» (IV, с. 30).

Одну из площадок осовремененной лестничной клетки в доме Иохима мы видим на фото. Изначально на каждой площадке было две квартиры. В торце находились два окна из больших кухонь, чтобы видеть посетителей. В данном случае проем окна справа заложили (если квартиру делили пополам, его расширяли и ставили дверь, как сделано слева). Но, возможно, Гоголь проживал не в самом доме, где в то время поселился польский поэт Адам Мицкевич, а в дворовом флигеле, что было значительно дешевле. Еще одно важное обстоятельство, которое непременно следует учесть. Александр Семенович Данилевский (1809–1888), приятель и однокашник Гоголя, приехал в столицу поступать в известную Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров на Исаакиевской площади (чуть позже там будет учиться Лермонтов). Для подготовки он приглашал репетиторов – служивших в Школе офицеров и преподавателей. А дворовый флигель дома Иохима был расположен за Школой по соседству с ее манежем и плацем. Зачем далеко ходить?!

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров

Дворовый флигель дома Иохима

К этому времени относится история с идиллией «Ганц Кюхельгартен» [Алов, 1829]. Вероятное участие в ее создании и обработке принимал приехавший к тому времени в столицу однокашник Гоголя и будущий редактор его сочинений Николай Яковлевич Прокопович (1810–1857) по прозвищу «Красенький». Чуть позже он опубликовал стихотворения, чьи мотивы созвучны некоторым главам «Ганца Кюхельгартена» (Мои мечты // Лит. прибавления к «Русскому Инвалиду». 1831. № 43; Полночь // Северные Цветы на 1832 год. СПб., 1831, – где есть и прямые переключки с идиллией, которых нет в гоголевском творчестве). Кроме того, историю с идиллией впервые поведал П. А. Кулишу... именно Прокопович [см.: Кулиш, 1854]. Видимо, Гоголь решил издать ее на свои деньги и отдать в книжные лавки за процент, но, после суровой критики в печати, изъяс весь тираж у торговцев². По легенде, он снял номер в гостинице «Неаполь» и там вместе со слугой Якимом ночью сжег все книжки, несмотря на убытки [ср.: Гиллельсон и др., 1961].

² Это дает основание утверждать, что в Собрании сочинений Н. В. Гоголя идиллию следует относить к произведениям, написанным совместно с другими авторами.

Осенью 1829 г. Гоголь поселился в квартире на 5-м этаже известного на весь Петербург дома Зверкова на Екатерининском канале (современный адрес: Набережная канала Грибоедова, 69). Дом построили в 1827 г. для богатого купца, коммерции советника Зверкова, известного ростовщика, чьими услугами пользовались купцы, деловые люди и даже аристократы, в том числе и Пушкин. Пятиэтажный дом стал тогда самым высоким в Санкт-Петербурге – впервые выше Зимнего дворца (до этого существовал запрет на подобные жилые постройки). Из фасадных окон открывался вид на Сенную площадь с ее знаменитым рынком. Поэтому квартиры стали в основном снимать купцы и торговые служащие, а также мелкие чиновники. Владелец увеличил свой доход и тем, что 3-й этаж здания, самый высокий фасадный, со двора разделил на два этажа, из-за чего высота каждого стала меньше 2 м (но со двора стало 6 этажей). Здесь в низеньких комнатах ютилась обслуга: приказчики, кухарки, кучера... Впрочем, тут действовала и первая в столице система сливной канализации (на основе бочек в подвале, откуда их ночью вывозили и сливали в Неву).

Наш герой жил здесь до мая 1831 г. Тогда молодому провинциалу без особого достатка пришлось совмещать службу мелкого чиновника Министерства внутренних дел с начавшейся активной литературной деятельностью. Но постепенно он начал осваиваться, заводить знакомства в кругу литераторов, его талант постепенно получает признание, поддерживают и земляки-малороссы. Весной 1830 г. он анонимно публикует свою первую повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» [Гоголь, 1830]. Согласно версии, принятой в гоголеведении, издатель журнала, автор очерков и обзоров Павел Петрович Свиньин (1788–1839) внес правку, которая исказила замысел повести, и потом Гоголь достаточно резко указал на это в предисловии к ее новой редакции в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» [см.: Манн, 1994, с. 233–234]. Но нельзя забывать, что Свиньин – пусть в интересах своего журнала! – направлял первые шаги молодого автора, видимо, ввел того в круг художников и литераторов (будучи сам коротко знаком с очень многими – например, с поэтом И. И. Дмитриевым и журналистом О. М. Сомовым, оказавшими влияние на

гоголевское творчество). Его собирательство, исторические и этнографические разработки Гоголь поддерживал и, вероятно, вынужден был мириться с тем, как использовался его материал, а тем временем продолжал работу над другими замыслами.

К январю 1831 г. он уже сотрудничает в «Литературной Газете» барона Дельвига [0000, 1831], помещает «Главу из исторического романа» в альманахе «Северные Цветы» Дельвига и Пушкина [Глечик, 1831], готовит повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Войдя в этот круг, он знакомится с поэтом, критиком, ученым, издателем Петром Плетневым, а через него – со знаменитым поэтом, близким ко двору Василием Жуковским, дружба с которым осветит всю жизнь Гоголя. Наконец в мае 1831 г., неподалеку от дома Зверкова, в квартире Плетнева на Обуховском (ныне Московском) проспекте произойдет важнейшее событие в жизни Николая Гоголя-Яновского: он будет представлен Александру Пушкину, чей гений молодой автор навсегда признает высшим судьей своего творчества.

Отчасти впечатления от дома Зверкова (петербуржцы говорили: *Зверькова*) Гоголь доверит описать герою «Записок сумасшедшего» – Аксентию Поприщину. Тот напишет: «Я развернул свой зонтик и отправился за двумя дамами. Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец, к Кокушкину мосту³ и остановились перед большим домом. “Этот дом я знаю, – сказал я сам в себе. – Это дом Зверкова”. Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей братьи, чиновников, как собак, один на другом сидит» (III, с. 195–196). То есть образ знаменитых говорящих собачек возник из уподобления тесного соседства мелких чиновников «как собак» в «доме Зверков(а)».

Вид со двора дома Зверкова

³ Большая Мещанская улица – ныне Казанская. Столярная улица (ныне Столярный пер.) шла от Большой Мещанской улицы до Кокушкина моста (по фамилии купца-домовладельца) через Екатерининский канал.

С августа 1831 г. до мая 1832 г. Гоголь снимал квартиру в доходном доме инженера Брунста на Офицерской улице (ныне Декабристов), 4. В конце августа он хвастался Пушкину по поводу произошедшего наводнения: «Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати квартира моя во 2 Адмиральте<йской> части, в Офицер<ской> улице, выходящей на Вознесенской проспект, в доме *Брунста*» (Х, с. 205). Здесь он несколько раз встречался с поэтом, жившим неподалеку.

А после публикации первой и второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» именно здесь к Гоголю пришла *слава*, его стали узнавать, приглашать в салоны. Отсюда удобно было ездить через наплавной мост на Васильевский остров – в Патриотический институт, куда его, по протекции Плетнева, приняли учителем истории и статистики, и в Академию художеств на занятия живописью.

Но основным петербургским адресом Гоголя, связанным с его творчеством, был и остается дом на Малой Морской улице. Такое название она получила от Морской слободы для матросов и мастеровых Адмиралтейской верфи. В начале строительства Исаакиевского собора улицу переименовали в Ново-Исаакиевскую. Рядом была Сенатская площадь с Медным всадником и Адмиралтейство. В 1858 г. улицу вернули ее имя, но потом, к 50-летию смерти классика, сделали улицей Гоголя. Малой Морской она вновь стала с 1993 г.

С июля 1833 г. по июнь 1836 г. Гоголь жил в доме придворного музыканта Лепена (современный № 17), в квартире на 3-м этаже дворового флигеля. Этот адрес будет потом использован в комедии «Ревизор»: Хлестаков, отсылая письмо в Петербург, указывает дом «девяносто седьмой, поворотя на двор, в третьем этаже направо» (это номер дома Лепена с начала XIX в.). Здесь были написаны первые петербургские повести, циклы «Арабески» и «Миргород», пьеса «Ревизор», начиналась работа над поэмой «Мертвые души». Здесь проходили дружеские чаепития и обеды в складчину с литераторами и однокашниками. Здесь Гоголя навещал Пушкин, живо интересовавшийся его творчеством. Отсюда писатель уезжал на занятия в Патриотическом институте, а затем в Санкт-Петербургском университете, где он был адъюнкт-профессором историко-филологического факультета с осени 1834 и до конца 1835 года.

Дворовый флигель дома Лепена. Правая парадная, третий этаж, окна во двор

В квартиру попадали по темной лестнице. Спальной писателю служила уютная комнатка, отделенная перегородкой от прихожей. В комнате побольше у стены стоял диван, к окну был приставлен стол, заваленный книгами, а возле него – бюро для письма (Гоголь любил работать стоя). Он, по словам слуги Яким Нимченко, писал «иногда днем, но чаще вечером... Сидел ночью долго, пока две свечи не стгорят» [Горленко, 1952, с. 82]. Сейчас квартира полностью перепланирована, гоголевских вещей не осталось. На фасаде дома по Малой Морской красивая мемориальная доска.

Но сам Гоголь – нет, никуда не ушел! – вот он стоит на фоне Петропавловской крепости, в модной шубе, цилиндре... Его судьба тесно переплетается с историей и культурной жизнью города. Своя история есть у гоголевских портретов и петербургских памятников писателю.

Впервые гоголевский бюст работы скульптора Василия Крейтана был установлен у фонтана перед Адмиралтейством в 1896 г. На постаменте двухметровой высоты из красного гранита, высечены даты жизни писателя, строка его письма к Василию Жуковскому «Знаю – мое имя после меня будет счастливее меня» и знаменитая цитата из поэмы «Мертвые души»: «Определено мне чудною властью озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримая, неведомая ему слезы!»

В 1952 г. власти Ленинграда решили отметить столетие смерти Гоголя (тогда праздновали только скорбные юбилеи, ведь считалось, что все рождаются одинаковыми). И... почему-то дальше проектов дело не пошло. Для будущего

монумента даже отвели место рядом с Невским, на Манежной площади, торжественно заложили камень. Но то ли место выбрали не то, то ли время, или сглазил кто, – только абсолютно все конкурсные проекты оказались отвергнуты, в дальнейшем о них забыли, и потом обо всем этом десятки лет напоминали и тот самый закладной камень, и разговоры, что-де хорошо бы тут, наконец...

Монумент открыли в декабре 1997 г., когда пришло для этого время совсем не юбилейное, но гоголевское. Автором стал Михаил Белов, ученик известного скульптора Аникушина, создавшего памятник Пушкину на площади Искусств. Стройку поддерживали и помогали средствами многие организации, предприятия, общественные деятели... Место выбрали знаковое: напротив Казанского собора, там, где от Невского проспекта отходит Малая Конюшенная улица – старинная, первая из пешеходных в Санкт-Петербурге (ее до революции еще называли Рождественской, в советское время дали имя Софьи Перовской, а прежнее, исконное наименование возвратили в начале 90-х годов).

Это знак признания и почитания творчества Николая Васильевича Гоголя, который посвятил Санкт-Петербургу повести «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», «Нос» и «Шинель». Великий писатель стоит в длинном плаще-накидке. Он скрестил руки на груди и немного отвернулся от проспекта, взгляд погружен «в себя», наверное, обдумывает что-то новое.

Памятник возвышается на гранитном постаменте и окружен фонарями под старину, они гармонично перекликаются с видом Невского проспекта и его фонарями, с Казанским собором – как иллюстрация к повести Гоголя, где он сказал: «О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нём, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!» И далее: «Он лежит во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь ... наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде» (III, с. 45–46).

О том, каким был Невский проспект в гоголевские времена, рассказано в книге Александра Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» (1834): «Мы пойдем вдоль прекрасного проспекта, тянущегося от Адмиралтейства к Невскому монастырю. Этот проспект, обширное поле для наблюдений нравоописателя и умствований философа, открывает им быт, занятия, страсти и слабости жителей почти всех разрядов; он как будто главная артерия Петербурга, от которой стремятся другие поменьше, питающие различные члены столичного тела. Посмотрите, как расцветается уже широкий, освещенный солнцем тротуар левой стороны этой улицы.

Дамы, девы, девицы, военный, статский, старый, малый, вельможа, денди, журналист – все в условный час спешат на Невский проспект. Тут вкус и роскошь нарядов, разнохарактерные выражения лиц, отличие поступи и приемов. Послушайте, как явственно и звонко раздаются смешанные речи на всех возможных языках – кроме русского! Если вы различаете каждое слово, то должны с чувством благодарности взглянуть и на самый уличный паркет, на котором рисуются ловкие всадники, по которому тянутся сотни блестящих экипажей... Когда вы взгляните, когда вы вслушаетесь в Невский проспект, начинающийся экономическим обществом, проходящий чрез все обольщения и роскоши жизни и оканчивающийся монастырем и кладбищем; когда вы пробежите его с конца

на конец, тогда вам покажется, что это огромный живой калейдоскоп, в который всыпано все человечество, с своею жизненною деятельностью, с своими модами, слабостями, чувствами, замыслами, причудами, знаниями, страстями, расчетами, красотою и безобразием, умом и безвкусицей; вам покажется, что все это вертится, мелькает, бежит, летит мимо вас с изменчивостью, быстротою и блеском мысли или молнии! – Ничего не бывало: вы очнетесь и увидите, что люди просто и спокойно гуляют по улице большого города. Именно ГУЛЯЮТ; мы уже сказали, что публика наша не может ХОДИТЬ, это факт, она только ГУЛЯЕТ и то для здоровья; хотя многие (как, вероятно, заметили) едва передвигают ноги от усталости; другие в холодных сюртучках и легких своих платьях посинели от холода; иным довольно свежий ветер обнажает плечи, срывая с них платки и мантии...» [Башуцкий, 1834, с. 85–88].

Теперь и мы пройдемся по Невскому проспекту к Адмиралтейству... Справа от нас лютеранская церковь Св. Петра (ее архитектором был Александр Брюллов, брат «великого Карла»).

В начале 1832 г. первый этаж ее левого флигеля на Невском проспекте, 22 заняла книжная лавка издателя и книготорговца А. Ф. Смирдина, а второй этаж был отдан его библиотеке для чтения. На новоселье хозяин пригласил около 50 лучших столичных литераторов, и 19 февраля (ст. ст.) они собрались за его столом. Вместе с Крыловым, Жуковским и Пушкиным на обеде впервые среди писателей появился Николай Гоголь-Яновский, недавно издавший «Вечера на хуторе близ Диканьки» и ставший после их успеха знаменитостью.

После обеда гости решили одарить хозяина будущими произведениями. Из них потом и составили два тома альманаха «Новоселье» (1833–1834). Там Гоголь опубликовал свою «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» [Гоголь, 1834]. Есть его изображение и на гравюрах, украшавших издание. Но в знаменитом журнале «Библиотека для чтения» писатель никогда не печатался, хотя поначалу был заявлен среди авторов под именем издателя «Вечеров» – пасичника Рудого Панька.

Дальше мы пойдем вдоль здания Голландской церкви к Зеленому мосту через Мойку, в прошлом его еще называли Полицейским. С него открывается вид на Невский проспект и Адмиралтейство. Тут, с одной и другой стороны реки Мойки, находились заведения, знаковые для культурной и светской столичной жизни и для русской классической литературы. Слева – кондитерская «Вольфа и Беранже» на Невском, 18, справа – гостиница «Демутов трактир» на набережной

реки Мойки, 40. Важно, что обе были расположена в самом центре Санкт-Петербурга и слыли местами, где можно увидеть знаменитостей того времени, писателей, поэтов, их критиков, богачей, художников, аристократов, чиновников, артистов и, конечно же, военных (без них ничего тогда не обходилось). Сюда заскакивали для деловых и любовных встреч, да и просто отдохнуть, публику посмотреть, себя показать. Посещение кондитерской после книжного салона Смирдина было правилом хорошего вкуса, и гостей столицы сюда неотразимо влекло, чтобы потом похвалиться: ооо, где я был(а)... ах! кого видел(а)...

В разное время кафе посещали А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Т. Г. Шевченко и многие другие. Именно здесь 27 января 1837 г. Пушкин встретился со своим секундантом К. К. Данзасом, отсюда они направились к месту дуэли, на Черную речку.

Гостиница «Демутов трактир» тогда слыла одной из самых известных и популярных. Она всегда была полна, ибо тут рукой подать до Зимнего дворца, а потому даже обычные номера стоили дорого – не меньше 25 рублей за месяц. Всего у Демута было 60 номеров: и скромные комнаты с окнами во двор, и роскошные многокомнатные, где останавливались светские и деловые люди, артисты. На набережной Мойки стоял двухэтажный корпус гостиницы, а на Большой Конюшенной улице – трёхэтажный, в боковых флигелях также были номера.

«Демутов трактир» – один из первых петербургских адресов Пушкина. Здесь будущий поэт останавливался вместе со своим дядей в июле 1811 г. перед поступлением в Царскосельский лицей. Потом Александр Сергеевич не раз снимал номера и обычно жил в скромных двухкомнатных, чьи окна выходили во двор. Так, он проживал в «Демутовом трактире» с декабря 1827 по 20 октября 1828 г., и его навещали Жуковский, Крылов, Вяземский, Грибоедов и польский поэт Адам Мицкевич. Осенью 1828 г. за три недели Александр Сергеевич написал здесь поэму «Полтава». А в последний день проживания – 19 октября поэт отпраздновал очередную годовщину Царскосельского лицея. В дальнейшем Пушкин бывал наездами, последний раз в мае 1831 г., вскоре после женитьбы на Наталье Гончаровой. От Демута супруги уехали в Царское Село.

С пребыванием поэта в этой гостинице связана история, которую рассказывал сам Гоголь. Пушкин был его кумиром с гимназических времен, и когда студент Яновский приехал в Петербург, то при первой возможности решил повидать поэта. Как-то он прознал, что Пушкин приехал и остановился у Демута (слухом земля полнится!), заявился туда и поинтересовался у вышедшего слуги, не примут ли его. «Барин спят», – строго отвечал слуга. Гоголь погулял, заскочил в кондитерскую на углу, выпил для храбрости рюмку, еще походил вдоль Мойки, может быть, еще выпил другую-третью рюмку от волнения, а затем вновь постучал в номер. И слуга опять ответил: «Спят они». – «Небось, ночью стихи писал?» – участливо поинтересовался Гоголь. – «Куды там! Всю ночь в картишки дулся!» Вот так обнаружилось несоответствие юношеских представлений и суровой правды жизни.

Мы возвращаемся по Невскому проспекту и вновь оказываемся у Казанского собора – тогда главного храма столицы, а значит и всей России.

Как ни странно, именно в этом храме герой гоголевской повести – пошлый майор Ковалев встретился с неким офицером... «Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос! <...> Он был в мундире, шитом золотом... на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника» (III, с. 54–55). Это значит, что Нос был на два ранга выше майора. Поэтому он с ним и не пожелал разговаривать в церкви... И майора не смогло утешить даже то, что «день был прекрасный и солнечный. На Невском народу была тьма; дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная от Полицейского до Аничкина моста» (III, с. 57).

Как ни странно... знаменитый Нос майора Ковалева удостоился в Санкт-Петербурге сразу трех памятников, обогнав по их количеству своего создателя. Первоначально скульпторы Резо Габриадзе, В. Бухаев и В. Аземша изваяли Нос из розового украинского мрамора и поместили на серой известняковой плите, которую прикрепили на стене дома № 36 по Вознесенскому проспекту в октябре 1995 г.

И всё бы хорошо, к Носу уже стали водить экскурсии, однако в 2002 г. этот 100-килограммовый памятник **вдруг исчез**. Его долго искали, не нашли, и тогда мастера сделали уменьшенную копию Носа, причем с бородавкой на кончике. Но еще через год прежний Нос так же внезапно **нашелся** и был торжественно возвращен на фасад дома 36 по Вознесенскому проспекту. А уже изготовленную копию Носа поместили на стену Музея городской скульптуры в Черноречном переулке, 2. Но и это еще не всё...

К 200-летию Н. В. Гоголя памятник Носу работы скульптора Т. Юсуфова был открыт во дворе филологического факультета Санкт-Петербургского университета, адъюнкт-профессором которого когда-то состоял великий писатель. Все же правильно он заметил: «Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия...»

Правда?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алов, В. Ганц Кюхельгартен. Идиллия в картинах. (Писано в 1827 году) / В. Алов – Санкт-Петербург: Печатано в типографии А. Плюшар, 1829. – 71 с.

Башуцкий, А. Панорама Санкт-Петербурга: в 3 ч. / А. Башуцкий. – Санкт-Петербург: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1834.

Гиллельсон, М. И. Гоголь в Петербурге / М.И. Гиллельсон, В.А. Мануйлов, А.Н. Степанов. – Ленинград: Лениздат, 1961. – 304 с.

<Гоголь, Н.В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана-Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви / Н.В. Гоголь // Отечественные Записки. – Санкт-Петербург, 1830. – Ч. 41. – № 118. – Февраль. – С. 238–264; № 119. – Март. – С. 421–442. – Без подписи.

<Гоголь, Н.В.> 0000. Глава из исторического романа / Н.В. Гоголь // Северные Цветы на 1831 год. – Санкт-Петербург, 1831. – С. 226–256. – Ц/р от 18 декабря 1830 г.

<Гоголь, Н. В.> Глечик, П. Учитель; Успех посольства. (Из малороссийской повести «Страшный кабан».) / Н.В. Гоголь // Литературная Газета (СПб.). – 1831. – № 1, 17.

<Гоголь, Н. В.> *Рудый – Панько*. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н.В. Гоголь // Новоселье: Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1834. – С. 475–569.

Горленко, В. П. <Рассказ Якимы Немченко о Гоголе> / В.П. Горленко // Гоголь в воспоминаниях современников. – Москва: ГИХЛ, 1952. – С. 81–82.

<Кулиш, П. А.> Николай М. Опыт биографии Гоголя / П.А. Кулиш. – Санкт-Петербург, 1854. – С. 37–40.

Манн, Ю. В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В. Гоголя. 1809–1835 гг. / Ю.В. Манн. – Москва: МИРОС, 1994. – 472 с.

REFERENCES:

Alov, V. Gants Kyukhel'garten. Idilliya v kartinakh. (Pisano v 1827 godu) / V. Alov – Sankt-Peterburg: Pechatano v tipografii A. Plyushar, 1829. – 71s.

Bashutskiy, A. Panorama Sanktpeterburga: v 3 ch. / A. Bashutskiy. – Sankt-Peterburg: Tip. vdovy Plyushar s synom, 1834.

Gillel'son, M. I. A.N. Gogol' v Peterburge / M.I. Gillel'son, V.A. Manuylov, A.N. Stepanov. – Leningrad: Lenizdat, 1961. – 304 s.

<Gogol', N. V.> Bisavryuk, ili Vecher nakanune Ivana-Kupala. Malorossiyskaya povest' (iz narodnogo predaniya), rasskazannaya d'yachkom Pokrovskoy tserkvi / N.V. Gogol' // Otechestvennyye Zapiski. – SPb., 1830. – CH. 41. – № 118. – Fevral'. – S. 238–264; № 119. – Mart. – S. 421–442. – Bez podpisi.

<Gogol', N. V.> 0000. Glava iz istoricheskogo romana / N.V. Gogol' // Severnyye Tsvety na 1831 god. – Sankt-Peterburg, 1831. – S. 226–256. – TS/r ot 18 dekabrya 1830 g.

<**Gogol', N. V.**> Glechik, P. Uchitel'; Uspekh posol'stva. (Iz malorossiyskoy povesti «Strashnyy kaban».) / N.V. Gogol' // Literaturnaya Gazeta (SPb.). – 1831. – № 1, 17.

<**Gogol', N. V.**> Rudyy – Pan'ko. Povest' o tom, kak possorilsya Ivan Ivanovich s Ivanom Nikiforovichem / N.V. Gogol' // Novosel'ye: CH. 2. – Sankt-Peterburg, 1834. – S. 475–569.

Gorlenko, V. P. <Rasskaz Yakima Nimchenko o Gogole> / V.P. Gorlenko // Gogol' v vospominaniyakh sovremennikov. – Moskva: GIKHL, 1952. – S. 81–82.

<**Kulish, P. A.**> Nikolay M. Opyt biografii Gogolya / P.A. Kulish. – Sankt-Peterburg, 1854. – S. 37–40.

Mann, YU. V. «Skvoz' vidnyy miru smekh...»: Zhizn' N. V. Gogolya. 1809–1835 gg. / YU.V. Mann. – Moskva: MIROS, 1994. – 472 s.